

The background is an abstract watercolor painting. It features a mix of warm colors like yellow, orange, and red, with some cooler tones of purple and blue at the bottom. The colors are blended and layered, creating a textured, organic feel. There are several dark, almost black, veins or lines that meander across the composition, resembling cracks in stone or veins in marble. The overall effect is one of depth and complexity.

Аннет Бове

*Черная
Мадонна*

Аннет Бове
Черная Мадонна

«Издательские решения»

Бове А.

Черная Мадонна / А. Бове — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740731-5

Журналистка из России запрашивает политического убежища в Испании. Кризис отношений с любимым человеком усугубляется тоской по родине и сложностями интеграции в чужой стране. После расставания героиня остается один на один с новой для нее культурой, новым народом, новым языком. Процесс преодоления личностного слома, собранный в некое подобие «путевых заметок», описан ею с шокирующей и одновременно интригующей откровенностью.

ISBN 978-5-44-740731-5

© Бове А.

© Издательские решения

Содержание

Июль, 2009, Барселона	6
Декабрь 2006, небеса	9
Декабрь 2006, Мадрид	11
Январь-ноябрь 2007, Малага	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Черная Мадонна

Аннет Бове

Автор обращает внимание читателей на то, что книга не претендует на документальную достоверность, не описывает судьбу какого-либо конкретного человека и все возможные совпадения с реальными лицами и фактами следует считать случайными.

© Аннет Бове, 2016

© Елена Никонорова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-0731-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Июль, 2009, Барселона

Ближайший автобус на Мадрид отходил только в шесть часов утра. Под пристальными взглядами подозрительных вокзальных личностей я открыла ячейку уличной камеры хранения, высвободила из неё большой грязно-красный чемодан и двинулась к центральному входу в здание вокзала. Волшебные стеклянные двери, обычно так услужливо разъезжающиеся в стороны при появлении любого, кто желал бы через них пройти, на этот раз застыли, прилипли друг к другу, как парочка влюбленных, и не поддавались ни на какие уговоры. Вокзал открывался только через четыре часа.

– Лучше бы ты остался в камере, – буркнула я раздраженно и пнула чемодан ногой.

С другой стороны, не было смысла срывать злость на этом безответном красном ящике, потому что уснуть на привокзальной скамейке, несмотря на наличие таких же, как и я, неудачливых и непредусмотрительных пассажиров, было бы одинаково опасно как с ним, так и без него.

Спать хотелось смертельно. Присев на край огромного цветочного горшка, в котором обитала пальма с разбухшим, кокосоподобным стволом, я решила разбудить свое воображение, чтобы оно, в свою очередь, разбудило мое тело. Для этого я попыталась представить, как делаю ножом надрез на подушечке безымянного пальца, беру солонку и начинаю посыпать рану её содержимым. Через минуту я уже спала.

Не смотря на то, что жизнь в Испании может продолжаться не только поздно вечером, но и всю ночь, особенно летом, а улицы и пляжи иногда полны гуляющим народом до самого рассвета, отвыкнуть от вьёвшегося в сознание ощущения опасности довольно сложно. Тем более, если ты совсем недавно из России, если твой чемодан приметного красного цвета и размером больше тебя самой. Эта мысль сквозь дремоту, почти увалившую меня на пальму, всё-таки привела меня немного в чувство.

«Лучше уж идти и смотреть опасности в лицо, чем дать ей возможность застукать тебя спящей и ничего толком не осознающей», – подумала я, с трудом поднялась на обмякшие, как у тряпичной куклы ноги, и двинулась в путь.

Идея была такова: гулять по улицам, прилегающим к вокзалу в радиусе километра.

Уже через два квартала я поняла, что готова упасть и уснуть у ближайшего светофора, цветов которого в таком состоянии я уже не могла различить.

Надо было свернуть немного влево, в сторону центра. В районе Готик много недорогих отелей и хостелов. Ради трех часов сна я готова была заплатить за целые сутки. Главное, чтобы были свободные номера.

Мест, естественно, нигде не было. Что поделаешь – высокий сезон приходится как раз на это время года. В каком-то многозвездочном приюте неподалеку от кафедрального собора мне предложили «элегантный делюкс» с большой кроватью и зоной для отдыха, с плазменным телевизором, сейфом, мини-баром и, что самое важное для меня в этой ситуации, – с прессом для брюк. Стоило это удовольствие треть средней испанской зарплаты, и я снова выкатилась на узкую мостовую, сделав вид, что условия меня не устраивают.

Из темного угла, которых в этом готическом квартале Барселоны было неисчислимое множество, в мою сторону высунулась голова в разноцветной вязаной шапке, похожей на радужную шевелюру.

– Травки, детка? Сколько тебе? Коробок?

– Спасибо, спасибо, мне и так хорошо, – я поспешила удалиться.

– Эй, погоди, я мигом принесу, – вяло бормотал он мне вслед.

– Нет, знаете, мне вон туда, налево, у меня там встреча, меня ждут, – быстро выговаривала я испанские слова, боясь оглянуться и увидеть цветастую шевелюру прямо позади меня.

Отойдя на безопасное расстояние, я мельком посмотрела назад. Темнокожий продавец удовольствий утратил ко мне интерес и снова нырнул в свой угол, слившись с густой холодной тенью у основания средневекового дома-призрака.

Конечно, чего мне было бояться в этом прекрасном городе-музее? Кого бояться в этой стране, добродушно меня приютившей? Здесь круглые сутки не затихает жизнь на улице. Здесь никому ни до кого нет дела, и всем до всех дело есть. Никто не смотрит угрожающе исподлобья, никто не спрашивает: «Чего пялишься?», если вдруг взгляд остановился на секунду на чьем-то лице. Если испанец выпил, он поет; если ему плохо, он выплескивает эмоции в танце. Конечно, невменяемых везде полно, но здесь люди были обаятельно невменяемы.

Красный чемодан призывно болтался по мостовой, привлекая кошачьи взгляды из пропахших марихуаной переулков.

На Площади Ангела у станции метро «Хайме I», названной в честь одного из арагонских правителей, официанты подметали террасу у небольшого кафе.

Две длинные каменные скамьи обнимали угол очередной архитектурной реликвии, выкупленной, как это часто бывало, модным богатым банком. Камень всё ещё не остыл, нагретый за день на палящем солнце. Это был какой-то специальный камень, мне о нем рассказывали. Он долго остывает даже ночью, не холодит, не простужает, даже если на нем сидеть несколько часов. Очень удачная находка для нации, которая добрую часть своей жизни проводит на улице: не только на лавках, но и прямо на мостовой, на бордюрах и тротуарах.

У металлических стоек вдоль края площади дремали заблудившиеся или забытые скутеры. Девушек здесь на улицах не насилюют, а вот легкие транспортные средства угоняют частенько.

Откуда-то у меня в кармане оказалась неполная пачка сигарет. Наверное, Роберто забыл забрать. Я решила её выбросить, но потом почему-то передумала. Кафе на площади было закрыто для посетителей, но там полным ходом шла уборка. Закончив подметать, официанты стали переворачивать блестящие металлические столы и стулья, громоздя их друг на друга, составляя в высокие кривые башни. Затем начали понемногу разбредаться. Один из них подошел к лавке, сел, попросил сигарету. Я поняла, почему передумала выбрасывать пачку, и угостила этого труженика сферы ресторанных услуг. Он побежал в кафе, вернулся с банкой ледяного пива, пытаясь отблагодарить меня за сигарету. Хотелось пить, но не пива, тем более такого холодного, но от искренней благодарности отказываться было неприлично. Официант до сих пор не снял униформу, только сорвал натершую шею бабочку и устало мял её в кулаке. Я непроизвольно разглядывала его, не в силах контролировать себя. Рукава белой рубахи были забрызганы соусом и вином, большой палец перебинтован. Наверное, неаккуратно резал лимон.

– Трудная была ночка?

– Да. – Проследив за моим взглядом, он смущенно завернул рукава по локоть, чтобы не так были видна грязь на манжетах, оголив сильные, жилистые запястья.

– Я понимаю.

– Ты тоже выглядишь уставшей.

– Не нашла гостиницу на эту ночь – летом сложно, всё переполнено. Но ничего, мой автобус через пару часов. Главное, набраться сил и дойти до станции.

– Подвезти тебя?

– Нет, не волнуйся.

– Но у тебя такой тяжелый чемодан.

– Да он полупустой. И тут недалеко. Боюсь, в машине мне станет дурно. Спасибо за пиво и удачи.

– Пока, красавица.

Колеса снова загромыхали по камням. Не так давно, всего каких-нибудь два с половиной года назад этот звук казался мне музыкой: трагической и резкой; то утешительной, то пугаю-

щей, рваной и жесткой, но невероятно гармоничной. Потому что тогда нас было двое, и у нас был иммунитет, вдвоем мы ничего не боялись и были способны на многое, на самое невероятное – мы так полагали. И это невероятно, но очевидное, у нас часто получалось.

Декабрь 2006, небеса

Если подняться ещё выше, предположим, на стандартную высоту полета авиалайнеров, то клочки земной поверхности, поля, разделенные реками или лесополосами, становятся меньше, цвета сливаются, смешиваются один с другим. И всё-таки прозрачная, струящаяся голубоватость Земли видна только из космоса, потому что лоскутное одеяло укрыто слоями воздуха. Наверное, там, среди звезд, как нигде в другом месте, можно по-настоящему ощутить единство мира и человека, универсальность всего сущего, контактность каждого с каждым, перетекаемость и взаимопроникаемость сознания, энергии. Там можно парить в безвоздушном пространстве, вдыхая кислород через хрупкую трубку, замирать от боли и радости, вспоминая о том, чего никогда не знал, но что живет в тебе от рождения, какое-то многовековое знание о мире, о переживаниях и наслаждениях каждого и целого, отдельного и единого. Макромир, космополис, где всякий рад тебе, потому что узнает себя в твоих мыслях, вспоминая через твою улыбку о чем-то из прошлой жизни, что засыпает в нас после нового рождения, замирает и таится до нужного момента. И когда ты висишь над живым глобусом, болтаешь ногами, а точнее, тяжелыми штанинами скафандра, ты понимаешь, что все мы способны к пробуждению, к воспроизведению, к воплощению того, что раньше казалось чужим. Душа мира проходит через тебя и через любого из нас. Мир родил тебя, но и ты родил его. Нет ни пространственных, ни духовных преград между людьми, потому что мы дети и одновременно родители друг друга.

– Вы слышите меня, а?

– Что, простите?

– Девушка, я уже пять минут пытаюсь перебраться через вас. Скоро снова включат этот значок.

Да, это мы летели в самолете из Москвы в Мадрид одним декабрьским солнечным днем. Поверить не могу, что прошло уже два с половиной года, а ощущения помнились в самых мельчайших подробностях. Я с удовольствием прижала ладони к теплой поверхности серого в белую точку камня, похлопала по нему беззвучно и, запрокинув голову, уперлась взглядом в ночное барселонское небо. Было приятно прикасаться к камню. Но так ли приятно было прикасаться к прошлому?

– Вы что, не понимаете? Вы слышите? Загорится это значок, а я буду не пристегнута. Или опять затрясет так, что будь здоров. Вам бы понравилось сидеть в сортире, когда самолет попадает в зону турбулентности?

– Нет, мне не... Да, да, конечно, проходите. Прошу прощения.

– «Прошу прощения»...

Наша взволнованная соседка по салону самолета, удалилась в уборную, лихо виляя бедрами.

– Что это с ней?

– Нервы.

Когда она вернулась, мы решили встать и выйти в проход между креслами, чтобы дать ей возможность добраться до своего места. Она пристегнулась ремнем так, что, казалось, не сможет дышать. Самолет стал снижаться. Мы держались за руки. Соседка с завистью косилась на наши руки. Встретив мой взгляд, она резко отвернулась, вцепилась в подлокотники и зажмурилась.

Мне с трудом удавалось сдерживать дыхание и колебания диафрагмы, и сохранять спокойное выражение лица. Чтобы страх из моих глаз не сыпался искрами на окружающих, я тоже предпочла их прикрыть. Ещё немного, ещё совсем чуть-чуть. Я держу тебя за руку и мне совсем не страшно.

Нет, я не боялась полетов. Пугала неизвестность – что ждет нас там, дальше, уже после посадки. Пугал и сам страх, то опускавшийся к нижней части живота, то взмывавший иголкой к темени.

Декабрь 2006, Мадрид

Лучи испанского солнца ослепляли через двойное стекло иллюминаторов, отскакивали от блестящей поверхности крыльев, скользили по лицам пассажиров. Стальная птица выпустила округлые когти и стала уверенно цепляться ими за взлетно-посадочную полосу.

Прилетели без опоздания. Оставалось пару часов до закрытия метро. Хорошо, что подземка доходила до мадридского аэропорта, иначе пришлось бы брать такси или трястись в автобусе. В ожидании серии таможенных и паспортных процедур, я уверенно двинулась к выходу, делая вид, что неподъемный чемодан совершенно не оттягивает мне руку. Я демонстративно изображала решительность и бодрость. За спиной осталась трещать лента подачи багажа, будто гигантская анаконда свертывалась в клубки, шелестя чешуей. Стрелка налево, коридор, стрелка направо, коридор, стеклянная дверь, снова стрелка направо. Ни души, только механизмы и вездесущие камеры видеонаблюдения. Вот сейчас какое-нибудь всевидящее око заметит ужас на наших с тобой лицах и стражи порядка потребуют досмотра. Не то, чтобы меня пугал осмотр наших документов или чемоданов – я была к этому готова, но предчувствие дискомфорта, когда ты под пристальным вниманием властей, вызывало приступы тошноты, ноги дрожали, не слушались; в горле пересохло, мысль застыла. Главное не останавливаться, сделать рывок и выбраться на волю. Я поминутно оглядывалась назад, проверяя, держишься ли ты; пыталась улыбнуться, мол, всё хорошо, прорвемся.

Снова были стрелки, коридоры, эскалаторы, стеклянные двери, указатели и светящиеся ромбовидные значки с буквой М в центре. В предобморочном состоянии, не зная, как сосредоточиться и освежить сознание, мы вдруг оказались прямо перед турникетом метро. Куда делся контроль, таможня и прочие условности?

Вагоны метро напоминали летающие капсулы из фильма о будущем. Поезд, как гигантская гусеница, извивался на поворотах, молниеносно прогрызая себе дорогу сквозь толщу той самой красно-рыжей почвы. Между вагонами не было никаких дверей, только резиновая эластичная «гармошка», позволяющая этому фантастическому животному, обитающему в подземельях Мадрида, двигаться изящно и ловко, при этом ещё и перевозя на своем теле паразитирующих хомосапиенсов, вцепившихся в поручни.

Свобода. Даже здесь, под землей, мы чувствовали её присутствие. Несясь к центру города на этом неутомимом сверкающем червяке, мы знали, что и он горд своей свободой, принадлежностью к другому, незнакомому нам пока ещё миру. Радость и недоумение поглотили нас. Вагон был почти пуст, и мы обнялись, пытаясь сдержать дрожь друг друга.

Наш отель находился в десяти минутах ходьбы от станции метро. Было полночь и было не по себе. Две одинокие робкие фигуры с чемоданами нам самим казались прекрасным объектом для нападения, ограбления, просто глумления. Так уж мы привыкли. Так нас воспитала наша жизнь. Улочки, грязные мусорные контейнеры разных цветов, цокот копыт чемоданов по асфальтированному узкому тротуару, заинтересованные взгляды посетителей не закрывшихся всё ещё крохотных баров. Скорей, скорей дойти до гостиницы.

Вот и наш номер.

– Мне, конечно, трудно судить, потому что особо не с чем сравнивать, но на четыре звезды не тянет. Тебе не кажется?

Не раздеваясь, не снимая обуви, мы сели на край двуспальной кровати и привалились обессилено друг на друга плечами. Нас охватило оцепенение, трудно было поверить, что мы здесь, что мы уже не там, где было страшно и больно.

– Да какая разница, сколько тут звезд! Это всё мелочи.

– Ты вообще представляешь?

– Нет.

- Тебе страшно?
- Очень.
- Не бойся. Мы вместе – это главное.

Мы были в Европе, мы спокойно вышли в ночной Мадрид из российского самолета. Уже совсем скоро, возможно, даже завтра, мы сделаем то, что планировали в такой спешке, рискуя репутацией, здоровьем и даже жизнью.

Большинство беженцев сдавалось прямо в аэропорту. Мало кто – в своей стране, в посольстве того государства, у правительства которого запрашивает убежища. Мы же, не смотря на экстренность ситуации и связанные с этим приступы паники, решили быть умнее всех. Ещё дома я нашла точный адрес нужной организации в Интернете, распечатала схему метро и участок города, прилегающий к ближайшей станции. Выписала номера телефонов, электронный адрес. Даже разговорник купить не успела, но уже вычитала на сайте, что нам обязаны предоставить адвоката и переводчика.

Конечно, информации было катастрофически мало, и мы сомневались в успехе такого рискованного, хоть и вынужденного, предприятия, но обратной дороги уже не было. На принятие окончательного решения оставалось пять дней – именно на этот срок была забронирована гостиница, и ровно через пять дней предполагался обратный рейс в Москву. Но мы ведь не из тех, кто так быстро сдается. Кроме того, возвращение не обещало ничего воодушевляюще положительного, оно лишь посылало нам угрожающие сигналы с покинутой земли, сверкало глазами, злобно шипело, металось вдоль российских границ, но не смело их переступить, чтобы кинуться вдогонку.

- Теперь мы иммигранты, да? Или эмигранты?
- И то, и другое. Тебя мучают угрызений совести?
- Нет. Мне хорошо там, где мы с тобой вместе.

Для зарождения ностальгии двух часов на чужбине ещё маловато, учитывая, что мы жертвы возможных преследований, беглецы, одним словом, беженцы.

– Я буду любить тебя, моя новая родина, но не за то, что ты породила меня, а за то, что приютила, удочерила.

- Да, есть брошенные дети, но иногда и родителей покидают.
- Ты представляешь, а в Москве сейчас двадцать градусов мороза!
- А здесь двадцать тепла. Это в середине декабря. Даже подумать страшно.
- Когда пойдем сдаваться?
- Чем скорее, тем лучше. Надо бы отстреляться сразу, потому что ждать будет невыносимо. Нам и город, и его теплое солнце будут не в удовольствие.
- Но ведь мы не знаем, чем может закончиться наш приход туда.
- В худшем случае, нас депортируют.

Приняв душ, мы упали на кровать. Сна не было, хотя чувствовалась невероятная усталость и какое-то психологическое истощение, нервы были на пределе.

- Может, повторим легенду?
- Мне кажется, нужно сделать передышку, на пару дней забыть о том, что произошло, тогда рассказ будет выглядеть более естественно и правдоподобно.
- Но ведь всё это правда. Почему нам должны не поверить?
- Знаешь, человеческая психология – это большая загадка. Можно правдоподобно врать и можно вызвать тотальное неверие, говоря чистую правду. Давай-ка лучше посмотрим, что там у нас в мини-баре.
- Точно! Это то, что нам сейчас нужно.

– Да, может, легче будет уснуть. Завтра будет сложный день.

Не было никакой специальной охраны, никаких вооруженных до зубов военных. Вращающаяся стеклянная дверь, окошко приемной. За ним – молодой скучающий офицер, застывший в любезном ожидании, пока мы умирjali дрожь в голосе, чтобы с жутким восточно-европейским акцентом произнести испанское слово «asilo¹». Офицер попросил документы. Слава Богу, в мире существует много интернациональных слов, таких, например, как паспорт, которые узнаваемы, даже если произносятся с ударением на другом слоге. Офицер записал наши данные, выдал две бирки с прищепкой и махнул рукой в сторону входа. Пропустив вещи через камеру досмотра, мы вошли внутрь. Чистое офисное помещение, светлое и приятное. Всё тихо и спокойно, без криков и воплей, без возмущенных граждан, толпящихся в очереди. Посетителей вызывали по номерам.

Русскоговорящего переводчика в этот день не было – она приходила только по необходимости, а поскольку беженцев из России было не слишком много, необходимость тоже возникала не часто. Её должны были вызвать на тот день, когда нам назначат собеседование.

Служащая в окошке стеклянной кабины дала нам две анкеты для заполнения. Везде под испанским текстом был английский перевод, так что мы справились без особого труда.

– Так... Нужен ли нам переводчик? Нужен! Ставим крестик.

– Специальное медицинское обслуживание... Инвалидность, наследственные заболевания... Пропускаем. Адвокат. Нам нужен адвокат?

– Даже не знаю, как лучше. Если скажем, что нужен, могут подумать, что нам есть о чем беспокоиться. Если не возьмем, то посчитают слишком уверенными в себе.

– Мы имеем право на бесплатного адвоката, вот и всё. Ладно, давай, если спросят, пожмем плечами, скажем, что не знаем, что, скорее всего, не нужен. А там посмотрим по реакции.

Посмотреть по реакции не удалось. Служащая в окошке, молча, приняла анкеты, ничего не спросила и ни чему не удивилась. Очевидно, это была обычная формальная процедура, на которую тратиться ей особо не приходилось.

Спрятав анкеты, на ломанном английском она объяснила, куда нам идти дальше, но для записи на собеседование нужно было позвонить по такому-то номеру телефона с такого-то по такое-то время. Видимо, общий поток беженцев был слишком велик, поэтому встречу назначали не ранее, чем через два-три дня и только по предварительной записи.

– Ruso², guso, – ткнула она напоследок пальцем в картинку на синей брошюре и, когда я понимающе кивнула, вручила её мне. На листке, сложенном втрое в виде рекламного буклета или театральной программки, мы нашли краткое изложение на русском языке данных по всем основным этапам, через которые проходит каждый, запросивший убежища в Испании. Быстро пробежав глазами по тексту, я уловила основное – схема такая же, как и в других странах, насколько я помню из информации, вычитанной в Интернете.

– Смотри, здесь написано, что мы не имеем права работать в течение полугода от момента подачи заявления.

– Да, это, конечно, не очень приятно, но я уверена, что многие начинают работать раньше, ещё не получив документов, если подвернется случай. Вот, смотри, она обвела этот адрес.

¹ убежище – перевод с испанского (прим. автора)

² русский – перевод с испанского (прим. автора)

CEAR, Comisión Española de Ayuda al Refugiado³. Как я понимаю, они нами потом должны будут заняться.

– Надо ехать к ним. Кто ещё нам поможет сделать звонок и попросить назначить дату собеседования?

– Так, посмотрим... Организации, помогающие беженцам в юридических, интеграционных, медицинских, религиозных и прочих вопросах. Интересно, что значит: помощь в религиозных вопросах? Они подталкивают к самоопределению?

– Наверное, они считают, раз ты беженец, раз неуверен в том, какую родину себе выбрать, то, и в какого бога верить, ты сам решить не сможешь.

– Не смейся. Тут все такие грустные, нам тоже нельзя выходить из роли. На улице поулыбаемся.

– Поехали.

Мы быстро научились ориентироваться в метро. Конечно, мы не знали названий станций и линий, но ходить по стрелкам уже было проще. Надо сказать, информация в мадридском метро была очень внятной, легко улавливалась логика движения и символика, даже без знания испанского. Кроме того, многие надписи давались на французском и английском, что значительно облегчало ориентировку.

– Слушай, CEAR – в дословном русском варианте было бы – Испанский Комитет Помощи Беженцам. ИКПБ. Просто какая-то коммунистическая партия большевиков, честное слово.

– Почему? Ещё в аэропортах есть такое понятие. Кольцевая полоса безопасности, кажется. Тоже КПБ.

– Ага, а ещё я помню, как-то брали билеты на поезд в Екатеринбург. Там было написано, что КПБ включен.

– И что это?

– Комплект постельного белья.

– Да, сразу видно, что мы в Европе. Тут тебе и религиозное самоопределение, и партийная принадлежность – выбирай – не хочу.

– Всё включено, одним словом.

Здание комиссии находилось неподалеку от нашего отеля. По-русски там, естественно, никто не говорил. Оставалось надеяться на наши скромные познания в английском. Обстановка была достаточно неформальной – мы не привыкли к такому обращению в официальных организациях.

На стуле в узком коридорчике сидела пожилая африканка с кофейного цвета младенцем на руках. Напротив неё, сложив на груди руки и закинув голову назад, с открытым ртом спал смуглый мужчина с густой иссиня-черной бородой.

Довольно скоро нас позвали к столику информации. Записали паспортные данные, взяли направление из главной конторы, откуда мы только что прибыли. Девушка, похожая на диковинную птицу, набрала номер и на эротично звучащем для нас испанском проговорила несколько фраз, из которых мы поняли только свои имена. Записала несколько слов на листке, оторванном от тяжелого квадратного блока. Передала нам и стала что-то быстро, быстро объяснять, водя кончиком ручки по листку. Хорошо хоть цифры в современном мире используются одинаковые, иначе сложно было бы догадаться, что собеседование нам назначили только через неделю, на вторник 19-е декабря.

– Понимаете, у нас отель оплачен только на четыре ночи. Нам негде будет жить.

³ Комитет по защите беженцев (прим. автора).

Девушка мило улыбалась, хлопала глазами, кивала, убирая наши данные в папку и всем видом давая понять, что с нами она на сегодня закончила.

Я стала крутить головой по сторонам, в надежде наткнуться на какой-нибудь сочувствующий нашему замешательству взгляд.

– Подождите, нет, вы меня не поняли.

Девушка слегка сморщила носик, нехотя поднялась и вышла в соседний кабинет.

– Что делать-то будем?

– Ну, придется оплачивать до вторника гостиницу.

– Да мы разоримся за эту неделю. Нам же для визы заказывали четыре звезды, меньше нельзя было. Надо походить, поискать что-то подешевле.

Девушка возвращалась, щебеча что-то на своем птичьем наречии большому, похожему на медведя молодому человеку в теплом свитере и в черно-коричневых джинсах с желтой строчкой.

– Привет, – сказал он по-английски, и мы заулыбались от счастья.

Английским не блистал ни он, ни мы, но мы друг друга поняли. Выяснилось, что жилье в случае необходимости предоставляется только после подачи заявления, так что до вторника нам придется выкручиваться самим. Но он уверил нас, что даже в центре города можно найти довольно скромные, но чистые хостелы за умеренную цену. Потом он попросил нас пройти за ним. Напоследок бросил что-то игривое птице, от чего та, потупила клювик, зарделась и, махнув на него рукой, позвала следующего посетителя.

Плюшевый испанец с вязаными ромбами на груди привел нас в большой светлый кабинет с круглым столом, вокруг которого в беспорядке стояли синие пластмассовые стулья с мягкими сиденьями. За нами вошла девушка с блокнотом, прикрыла за собой дверь и присела неподалеку.

– Вы не будете против, если я спрошу вас немного на счет вашего дела?

Мы напряженно переглянулись.

– А это обязательно? Нам довольно сложно говорить на эту тему.

– Да, я понимаю, просто у нас сегодня журналист в гостях. Она делает материал для газеты о том, как работает наша организация.

Я не решалась на тебя взглянуть, предполагая, что происходило в этот момент с тобой, если даже у меня внутри всё перевернулось от страха: «Почему именно мы?»

– Знаете, мы только позавчера прилетели, очень волнуемся. У нас проблемы были дома. Мы не хотели бы это обсуждать, это слишком болезненно. И наш английский не так хорош, чтобы давать интервью.

– Да это не имеет значения. Самое основное мы сможем понять. Ну, и потом пару фотографий для газеты...

– Нет, это совершенно исключено! Мы не хотим огласки. Никаких фотографий, никаких интервью. Простите за резкость, но это невозможно.

Бедный мальчик. Он думал, что нас можно заманить на интервью, пообещав сделать фото для газеты – ну, кто же не мечтает попасть в прессу? А эффект получился прямо противоположным. Новичок, наверное. Неужели непонятно, что беженцы – они же бегут, убегают, то есть, теоретически, прячутся, скрываются от чего-то или от кого-то; что им не нужна публичность. По крайней мере, мы её точно не хотели.

– Простите, если я вас обидел, не думал, что для вас это так сложно.

Я время от времени поглядывала на твое напряженное лицо и сцепленные кулаки. Даже под дулом пулемета мы бы сейчас не стали никому рассказывать ни о чем, произошедшем с нами на родине.

– Знаете, мы всё расскажем на собеседовании, потому что это крайне необходимо для начала процесса, но больше никому. По крайней мере, пока не пройдет какое-то время, пока раны не затянутся немного. Но на это могут потребоваться годы. Вы понимаете?

– Да, конечно. Просто вы так бодро выглядели, что я подумал...

– Мы стараемся не падать духом. Счастье уже то, что нам удалось уехать.

Девушка с блокнотом всё-таки что-то записывала, впечатленная нашим эмоциональным отказом. Уж я-то знала, что для журналиста иногда достаточно искры, чтобы придумать материал. Дальше досочинит сама, или найдет кого-нибудь поспокойнее, кто с удовольствием сфотографируется для её статьи.

Вырвавшись на улицу, мы долго шли молча, просто дышали.

– Стрессы каждую минуту.

– И не говори.

В одном из переулков мы нашли интернет-кафе, взяли по часу, чтобы проверить электронную почту и поискать недорогую гостиницу.

– Думаю, действительно дешевые места надо искать живьем.

– Ходить по улицам?

– Точно. Всё равно ведь мы не будем сидеть в номере. Надо пойти пообедать, потом прогуляться.

Переодевшись, мы отправились в сторону центра, заглядывая в каждый, попадавшийся на пути отель или хостел, интересуясь ценами. В самом центре, на улице Gran Via мы нашли хостел-резиденцию, довольно уютную, и, что немаловажно, почти в два раза дешевле нашей гостиницы. Забронировали комнату на три ночи, которых не хватало до дня собеседования, и пошли гулять по городу.

– Может, в переговорку? Домой надо позвонить.

– Ладно, а я в издательство ещё раз попробую набрать.

Мой бывший сотрудник и друг, Виктор Сергеевич, перед отъездом дал мне рекомендации – надо было ими воспользоваться. Может, в дальнейшем получилось бы сотрудничать с этой газетой и как-то зарабатывать на жизнь.

– Что дома? Волнуются?

– Да ничего, нормально, я сказала, что нам здесь очень нравится, что мы как в Африке после Москвы.

К вечеру город стал зажигаться. До Рождества оставалось десять дней и уже светило всё вокруг, предвещая праздник.

Такси, как белые аисты с красной полосой вместо клюва, пронеслись мимо богини Кибелы, тщетно сиюсь обогнать двух мощных львов, запряженных в её колесницу. Конечно, стальной конь быстрее важного и гордого царя зверей, но ведь боги мчатся вне пространства и времени – попробуй их настигни.

Площадь со статуей Кибелы озарялась разноцветными огнями, струящимися из окон здания Центрального Телеграфа. Магическая цветомузыка вибрировала, просачивалась сквозь толстое стекло гигантских окон. Казалось, что внутри главного почтового отделения Мадрида те же боги возвели огромный костер и кормят его обертками от своих божественных конфет, и от этого всё вокруг озаряется пульсирующим, трепещущим сиянием.

Время шло, а город не позволял ночи спуститься и объять его. Всё ещё бежали пешеходы, шуршали по асфальту шины автомобилей, призывно горели витрины магазинов и ресторанов. Дойдя до площади Колумба со скромной его статуей, мы свернули налево и по узкой улочке дошли до района с забавным названием Чуека. Позже кто-то нам рассказывал, что этот район в самом сердце города всегда считался либеральным центром не только Мадрида, но и всей Испании. Именно здесь бушевала когда-то в конце шестидесятых – начале семидесятых знаме-

нитая Ла Мовида⁴. Студенты, вольные художники, артисты всех сортов собирались здесь ближе к вечеру и устраивали ботельоны – иногда санкционированные, но чаще все-таки запрещенные, молодежные попойки. Солидные горожане побаивались заглядывать в это место по ночам, а дворники, вооруженные в те годы ещё только метлами вычищали под утро горы мусора, в котором частенько находили уснувших студентов. Спустя время пачками стали выкупаться дома в этом районе. Покупателями в большинстве своем были представители нетрадиционной сексуальной ориентации. Чуека постепенно стала приобретать приличный вид, здесь открывались дорогие магазины и престижные рестораны, но по сей день это место оставалось самым демократичным, свободным и веселым кварталом Мадрида.

– Опять солнце! – смеялись мы каждое утро, отодвигая шторы в гостинице.

Да, погода здесь почти всё время была солнечной. По крайней мере, в первую неделю жизни в испанской столице там ни разу не было даже туч.

– Даже дышится от солнца легче.

По улицам слонялись толпы веселящегося народу. Тогда мы ещё не знали, что у них не только перед праздниками, но и в обычные выходные, и даже просто по вечерам в будни почти такжелюдно, весело и шумно.

Близился канун Рождества, но до этого должен был настать наш последний вечер перед подачей заявления. Это означало, что прошло пять дней, насыщенных новыми zahraniчными впечатлениями. Мысль о том, что нас ждет допрос с государственными служащими, беспрестанно омрачала нам существование. Праздничная экзальтация в сочетании с невероятным нервным напряжением требовала скорейшей разрядки. Казалось, если завтра по каким-то причинам собеседование отменится, то у нас начнется истерика.

Если бы не основная цель нашей поездки, то мы были бы похожи на всяких восторженных туристов, впервые выбравшись в европейское забугорье. Тур явно удался. Конечно, это не Германия, о стерильной чистоте которой рассказывали басни, но комфорт и продуманность ощущались сразу. Люди доброжелательные, общительные, открытые, нет этой безумной заганности в глазах, защитной агрессивности.

Не справившись с переживаниями, и наплевав на поговорку, гласящую, что перед смертью не надыхнешься, мы перед сном всё-таки ещё раз проговорили всё, что с нами случилось, и как мы это будем рассказывать. Мы знали, что допрашивать нас будут по отдельности, поэтому очевидных неточностей и несовпадений в наших показаниях должно быть как можно меньше. Иначе всё пойдет прахом.

Мы вышли из метро, бодрые и готовые ко всему. Солнце оживляло, вселяло надежду.

– Всё проходит, всё когда-нибудь заканчивается.

– У нас всё получится. Иначе просто и быть не может.

– У нас же иммунитет!

Мы подали паспорта, получили карточки с номером. Прием был назначен на десять утра. Мы, конечно, пришли заранее, но не слишком, чтобы не напрягаться от длительного ожидания.

Как и в первый раз, никакой очереди не было. Человек десять посетителей, среди которых трудно было отличить наших коллег-беженцев от прочих людей, пришедших, например,

⁴ La Movida Madrileña – культурное движение в Испании времен перехода от режима Франко к демократии (прим. автора).

за информацией. Компания была многонациональная, но не буйная, не похожая, по нашим представлениям, на толпу беженцев, в панике спасающихся от войны и голода.

На середину зала периодически выходили сотрудники, называли имена и фамилии. Сидящие в зале спокойно поднимались и шли в указанном направлении, готовясь к казни или милости. Точно также пришли и за нами. Женщина средних лет с коротким русым ежиком на правильном русском назвала нас и улыбнулась, наткнувшись на наши испуганные взгляды.

– Пройдемте со мной, пожалуйста. Меня зовут Ольга, я буду вашим переводчиком, – говорила женщина спокойным голосом, ведя нас в недра здания.

Мы шли мимо небольших кабинетов с застекленными перегородками. Это было похоже на посещение отдела универмага, где продавались телевизоры: звук выключен, но картинки на экранах самые разнообразные. Где-то мать успокаивала ребенка, где-то служащий подавал стакан воды плачущему арабу. В другом телевизоре пожилая женщина уронила голову на стол, а переводчик положил ей руку на дрожащие плечи. Какие-то кабинеты пустели, где-то за столом сидели работники, сосредоточенно глядя на экраны компьютеров, внося данные в базу или, может быть, раскладывали пасьянс.

Один из кабинетов наверняка предназначался для нас, но мне бы хотелось вечно идти по этому коридору, лишь со стороны наблюдая за чужими историями, горькими и болезненными, заставившими людей собрать пожитки в узел, схватит детей в охапку и сорваться с насиженного места.

Мы вышли вымотанные, осунувшиеся, вцепившись друг в друга. Пройдя несколько кварталов, зашли в кафе. Выпили коньяку. Наступило облегчение, хотелось смеяться.

– Ты плакала?

– Да, напряжение вырвалось наружу. Думаю, получилось правдоподобно.

– Было заметно, что они после тебя как-то немного растерялись. Ты точно их убедила. Мне уже и не надо было переживать. Всё, как планировали – оставалось подкрепить твои слезы здоровыми размышлениями. Вроде бы, нам поверили и посочувствовали.

Немного передохнув, мы поехали в Красный Крест за дальнейшими инструкциями. Оказалось, что многие сотрудники этой всемирно известной добровольческой организации, к нашей радости, прилично владели английским языком, который, как мы уже поняли, не был особо в почете у большинства испанцев.

Пожилой длинный человек, похожий на исхудавшего тролля с редкой бородашкой, выписал нам по направлению в поликлинику – страна должна знать, с какими сюрпризами мы в неё пожаловали. Выслушав наш жалостливый рассказ о том, что жить нам больше нигде, он сделал несколько звонков, после чего выдал ещё одну бумажку с адресом хостела, объяснив, что там мы будем пребывать до получения результатов анализов и принятия предварительного решения по нашему вопросу.

– Но у нас нет денег, мы думали, нас направят в центр.

– В центр вы попадете, если ваше дело примут на второе рассмотрение. А хостел вам пока оплачивает Красный Крест, так что не волнуйтесь.

Выйдя на улицу, мы, как обычно, начали бурное обсуждение.

– Значит, мы сейчас уже ждем какого-то решения?

– Получается, что так. Об этом я тоже читала. Это самый первый этап. Смотрят наше дело поверхностно, чтобы только понять, есть ли вообще прецедент или нет его.

– То есть, кого-то могут сразу же после этого этапа отослать домой?

– Я думаю, таких очень даже много. Сомневаюсь, что у всех есть реально оправданные основания для подачи запроса на убежище.

– А у нас они есть.

– Я в этом уверена. Нас так быстро не выпроводят.

Хостел располагался в самом центре города, неподалеку от любимившегося нам района Чуека, у станции метро «Трибунал».

Там мы впервые столкнулись с проблемами испанского отопления и с их тотальной неподготовленностью к возможным похолоданиям. Ночью мы околели, и на следующий же день понесли в ближайший супермаркет за обогревателем. Масляные радиаторы показались нам очень дорогими и объемными, а обычные, электрические, со спиралью – вполне доступными и компактными. Один из таких и взяли. Но, как выяснилось этим же вечером, сюрпризы ещё не кончились. Всякий раз, как мы вставляли вилку обогревателя в розетку и нажимали на заветную кнопку «вкл.», в хостеле вырубался счетчик. Хозяйка выскакивала из своей комнаты и носилась по этажу, не понимая, что происходит. Мы же сидели, как замерзшие мыши, тихонько хихикая. Чтобы обогреться хоть немного, приходилось хитрить. Сначала мы выключали свет в коридоре и в общей душевой. В комнате тоже сидели без света и какое-то время не пользовались ноутбуком. Только так счетчик мог терпеть хоть какое-то время, но всё равно через полчаса кто-нибудь заходил душ или включал свет на этаже, и тогда история повторялась.

– Интересно, что было бы, если бы мы, как настоящие советские туристы, привезли бы с собой кипятильник?

– Сожгли бы проводку в центре Мадрида перед самым Рождеством.

Позже это вспоминалось с улыбкой и даже с какой-то грустью. Не смотря на дискомфорт от холода, отсутствие уюта и, особенно, внутреннее беспокойство, связанное, конечно, с бесконечным ожиданием, нам было хорошо вдвоем. Страшно и весело от той смелости, которая нас заставила пойти на этот шаг. Неустроенность была ценой за те перемены, которых мы ждали, на которые надеялись.

Мы лежали в темноте, заложив руки за головы, под стрекот вентилятора, разгоняющего тепло от раскаленных пружин обогревателя, смотрели в едва освещаемый из окна потолок, представляя на нем алмазы звезд, и мечтали.

– А потом ты женишься на мне?

– Конечно.

– И будет свадьба?

– У нас будет роскошная свадьба, много гостей, и будет даже путешествие после неё.

А ты мне родишь сынишку...

Уже засыпая, я продолжала волноваться:

– А если придут тараканы, когда я усну?

– Я спасу тебя.

– Ты не боишься? Ты ничего не боишься.

– Боюсь, но не тараканов.

Ночью к нам всё-таки забежали наши младшие усатые братья, шуршали чем-то в мусорном ведре, вели беседы. Я не знала об этих ночных посещениях, иначе у меня, наверное, был бы шок, и я бы спала стоя, обутая и одетая.

Душ был всё время занят какими-нибудь смуглыми товарищами с островов. Надо сказать, что все наши соседи были из Африки. За стенкой они до глубокой ночи буянили.

– Что они там делают?

– Дерутся, наверное.

– Не похоже, шума нет – только голоса.

– Разговаривают.

– Хорошо хоть мы смысла не понимаем.

– Долго мы ещё здесь будем?

- Получим результаты анализов и первый ответ.
- А потом?
- Потом, если не депортируют, то поселимся в тихом, спокойном центре для приема беженцев, где не будет тараканов и шумных африканцев.
- Но ведь они такие же, как и мы – они запрашивают убежища. Значит, они тоже переселятся с нами в наш тихий центр.
- Главное, чтобы тараканы не переселились.
- Да, хуже этого ничего не бывает.
- Знаешь, когда я была маленькой, мы верили, что если прикоснешься к чернокожему человеку, то можно загадать желание и оно обязательно сбудется.
- Правда что ли? Ну, вы прямо как дети в Индии, которые белых людей за волосы трогают.
- Да, мы так думали, но это же в детстве было.
- Я понимаю, что в детстве. У меня тоже оно было, но я такого что-то не помню.
- А здесь их вон сколько! Представь, сколько желаний могло бы сбыться.

Зачитав брошюру до дыр, мы могли щеголять цитатами из неё. Первый этап – две недели. Первый просмотр дела. Если через две недели не депортируют на родину, посчитав запрос убежища обосновательным, то есть шанс задержаться здесь на пару месяцев. Через два месяца новое собеседование, второе рассмотрение и продление пребывания в случае положительного решения. Далее периоды удлиняются, а пристальность изучения, соответственно, усиливается.

- Значит, до большого, решающего, собеседования, ждать придется плюс-минус два месяца?
- Да.
- А результаты?
- Судя по данным буклета – не позже, чем через полгода. То есть, в общей сложности до окончательного решения, так или иначе, из страны нас не выставят в течение восьми месяцев, как минимум.
- Это небольшой срок, но успеть при желании можно многое.

На следующий день мы начали обход врачей. Ничего неприятнее я не помнила с детства. Наверное, так бывает со всеми, кто в юном возрасте провёл значительное количество времени в больничной палате и для кого лекарства иногда были частью ежедневного меню. Я не выносила запаха анисового ликера, мартини и амаретто – они напоминали мне какими-то своими травяными составляющими солуган или что-то вроде того.

- Помнишь такую микстуру от кашля? Интересно, она еще существует?
- Позже мы узнали, что испанцы очень даже любят после плотного обеда выпить чашечку крепкого кофе с анисовым ликером. Но всё это еще было только впереди.

Поликлиника порадовала нас своим внешним видом ещё больше, нежели офис, где мы подавали заявление на убежище. Никакого больничного ощущения, никаких ярко выраженных запахов, никакой сине-зеленой краски до середины стены и, как и прежде, никаких очередей. Вернее, тут нужно оговориться, что очередь, конечно, была. В том смысле, что были люди, ожидающие приема. Но отсутствовал дух соперничества, к которому мы так привыкли и который считали нормальным. Никто не пытался пройти раньше, подмигнув медсестре или прошмыгнув в дверь, кинув ошарашенным пациентам: «Я только спросить!». Ни тебе косых

взглядов, мол, вас тут не стояло, ни тебе милых перебранок и, если повезет, перехода на личные оскорбления. Приём шел далеко не быстро, но никого, казалось, это не беспокоило. Все спокойно ждали и мирно общались.

Всё было так непривычно, чуждо, хотя и положительно. Не было суеты, которую мы всегда воспринимали за быстроту течения жизни. Но тогда мы ещё не осознавали, что именно происходит, просто удивлялись и сравнивали. Казалось, что испанцы просто помешаны на стоянии в очередях. В банках, на автобусных остановках, в магазинах, у окошек лотерейных ларьков – никто не спешил, не пытался опередить собрата по очереди, не шумел, ссылаясь на опоздания.

В такой чистоте, стерильности и покое мы были готовы отдать хоть по литру крови, и, если понадобится, чего-нибудь ещё, лишь бы находиться здесь подольше.

Медсестра спросила моё имя и предложила не смотреть, когда она будет вводить мне иглу в вену.

Мы уже знали по несколько простейших фраз и были способны хотя бы понимающе кивать головами и даже иногда отвечать.

– Боишься?

– Нет, просто не люблю.

– Ты ничего даже не заметишь. Откуда ты приехала?

– Из России.

– Одна?

– Нет, вдвоем.

– Это хорошо, вдвоём всегда легче. Ну, вот и всё. Долго?

– Всё? Так быстро?

– До свидания и удачи.

– Спасибо.

Нас ещё раз вызвали в Красный Крест. Мы не знали, зачем именно. Оказалось, нам полагались социальные чеки, немного похожие на деньги, но всё-таки не деньги. И ещё карточка на питание в бесплатной столовой. Мы, приученные к домашнему питанию, слабо представляли себе, на что это может быть похоже.

В столовой работали исключительно добровольцы Красного Креста. Помещение напоминало наш школьный общепит с большими емкостями для борща, макарон, котлет и так далее. Хотя, не знаю, как выглядели столовые в современных государственных школах. Может, их теперь не отличишь от ресторана.

Там было оживленно и цветасто от смеси характеров и культур. Весь иммигрантский бомонд, все счастливые обладатели карточки на питание собирался в этой столовой. Набор был стандартный: первое, второе, напиток, хлеб. Ещё с собой давали сухой паек, в который входила булка или батон, колбаса в нарезке и в вакуумной упаковке, йогурт и что-то из фруктов.

Испробовав прелести бесплатного краснокрестского рациона, мы решили поэкспериментировать и с талонами. Как нам пояснили, на день полагалось два талона на человека, каждый эквивалентом в шесть евро. Двенадцать евро – это вполне приличная сумма, если найти экономичные кафе с меню дня или со специальными скидками. Талоны можно было использовать в любом заведении, даже в самом дорогом, на двери которого приклеен специальный знак – белый круг в оранжевом квадрате, в центре надпись – Чек Гурмет и картинка – что-то вроде ресторанного столика в полуграфическом изображении.

Можно было распределить чеки на две недели, как и положено. Но мы решили, питаюсь в бесплатной столовой, собирать чеки и два раза в неделю гулять по полной программе. За всю свою жизнь я столько раз не была в ресторанах, сколько за то время, пока мы в Мадриде ожидали предварительного решения! Китайская, итальянская, аргентинская, японская, и, конечно, испанская кухни.

Дневная температура в Мадриде держалась где-то около пятнадцатиградусной отметки. Солнце неутомимо и безвозмездно дарило нам свою любовь.

– Здесь даже люди какие-то солнечные, искрящиеся. Разве можно назвать это зимой?

– Как минимум, это весна.

– Весна на улицах и в душе весна.

– Я вот думаю, почему Рождество католики и православные празднуют всегда с разницей в две недели, Крещение тоже, а вот Пасха иногда совпадает? Я понимаю, лунный календарь и всё такое, но ведь Иисус не мог, родившись в разное время, воскреснуть в один и тот же день. Почему же почти каждый год он воскресает по-разному?

– Осторожно, с такими мыслями тебя загрызут и те, и другие.

– Ага, особенно из-за того, что благодаря разделению конфессий у нас будет два Рождества – одно в 2006-м году, а другое уже в новом, 2007-м.

– В эти выходные будем выходить на улицу с осторожностью, держась за руки, иначе толпа нас разорвёт.

– Не выйдет – мы неразлучны.

Мы забежали в переговорный пункт, которых в Мадриде было пруд пруди.

– Ты позвонила в редакцию?

– Да, но человека, к которому мне нужно было обратиться с рекомендациями, там нет. Никто его не знает и никто с похожей фамилией там в последние годы не работал.

– И что же теперь?

– Ну, соединили меня с выпускающим редактором. Она сказала, что из Москвы никто не звонил, о моем появлении не предупреждал. Предложила прислать материалы для ознакомления. Спросила, есть ли у меня фотоаппарат, ноутбук.

– У нас всё это есть!

– Да, так что, может, будем сотрудничать. Трудно, конечно, предположить, каковы мои шансы, но материалы я вышлю сегодня же вечером. Зайдем попозже в Интернет-кафе?

– Обязательно! Ради такого дела.

– Вообще, у нас есть настроение посмотреть Мадрид?

– А как же? Вдруг нас скоро отправят в глушь, а мы столицу не успеем узнать.

И мы снова пошли по искрящемуся, светлому и теплему, не смотря на декабрь, городу.

Рождество ощущалось кожей. Мы гадали, что же будет во время праздника, если подготовка такая масштабная? Или дело не в празднике, а в том, что они просто так живут, так проводят свободное время? Средиземноморские жители очень подвижные, как внутренне, духовно, так и во внешнем, в физическом выражении. При этом они доброжелательны и отзывчивы. Как мы уже к тому моменту понимали, встретить англо-говорящего испанца – почти счастье. Не смотря на это, обратившись за помощью к любому из прохожих, совершенно не зная испанского, можно было получить подробнейший, исчерпывающий ответ, приправленный активной пояснительной жестикуляцией и морем улыбок.

Метро не производило на туриста зрелищного впечатления. Здесь это был не музей с золоченой лепниной, а удобный, функциональный, грамотно продуманно вид транспорта.

Здесь вообще всё было небольшим. В центре города встречались настолько узкие улицы, что балконы противоположных домов, казалось, вот-вот соприкоснутся. Складывалось впечатление, что мы находились не в столице крупного европейского государства, а в собственной уютной квартире.

Мы уже успели поглазеть на многие достопримечательности. Несколько часов гуляли по парку Ретиро. Нас порадовал тот факт, что там не было аттракционов – приятное, тихое

место для отдыха и философских бесед. В Прадо налюбовались подлинниками Эль Греко, Веласкеса, Рубенса, Тициана, моего любимого Гойи.

Были в Кафедральном соборе Девы Марии де Альмудены, покровительницы Мадрида.

– Интересно, почему у католиков так развит культ Богородицы?

– Потому что она Бога Матерь. Ну, и языческие корни, конечно.

– Наверное, она более сострадательная, понятливая и милосердная, чем сын её Иисус.

– Похоже на то.

Нам удалось сделать несколько снимков внутри – здесь во многих храмах это разрешалось, как, впрочем, никто не обращал внимания и на то, в брюках ли ты и покрыта ли платком твоя голова. Конечно, не стоило появляться там в чем-то вызывающем – никто бы не сделал замечания, но это уже был бы вопрос воспитания каждого в отдельности.

Насладившись убранством собора, мы присели отдохнуть перед королевским дворцом. По периметру небольшого сквера бегала стайка школьников, подбадриваемых учителем. Похоже, они сдавали кросс. Наверное, неподалеку находилась одна из городских школ. Одеты все были довольно легко – только в спортивных костюмах, без теплых курток, шапок и перчаток. Замерзшими они, тем не менее, не выглядели. Мне, выросшей в провинции, это казалось каким-то чудом – проводить занятие по физкультуре в двух шагах от резиденции королей, в сотне метров от Оперного театра, от кафедрального собора, опять же.

– То ли еще будет! Вот купим лет через пять виллу на берегу Средиземного моря и пригласим в гости всех наших друзей.

– Фантазерка, пойдем открытки к Рождеству покупать. Надо же весточки в Москву отправить.

– Давай съедим или выпьем сегодня что-нибудь неожиданное.

– А что, у нас накопилось много чеков?

– На ужин хватит. Я хочу коктейль из экзотических фруктов.

– Договорились.

Конечно, питание в чужой стране было непривычным, но при желании можно было найти какую-то замену. Самой главной проблемой для нас оказалось отсутствие в меню супов. Чаще всего на первое испанцы брали салаты или снеки, закуски. А нам без супов, ну, никак нельзя было. Привычка. Радовало то, что фрукты, овощи чаще всего были свои, местного происхождения, поэтому цены не кусались.

– Они всё время заказывают картофель фри – с первым, со вторым, на десерт.

– Не только фри. Ты посмотри, у них полно всяких штук, жареных в масле. Похоже на мелкую рыбешку.

– Это какие-то крохотные кальмары. А вот шарики, как наши пончики, размером с шар для пинг-понга.

– Да, такая диета не для наших желудков.

Поначалу получалось довольно неловко с напитками. У нас не было принято пить во время еды. Безусловно, это тоже дело привычки, но всё-таки мы не заказывали напитки перед едой. Поэтому, несколько раз, когда нас спросили, что мы будем пить, мы, не зная европейских порядков, попросили чаю. Они же, удивленные пристрастием русских людей к этому горячему напитку, покорно приносили нам его в самом начале. Ничего не оставалось делать, как пить чай, ожидая заказ, либо оставлять на потом, понимая, что он совсем остынет. Сами же испанцы чаю почти не кушали. Предпочитали кофе, поглощали его в огромных количествах. Также употребляли свежавыжатые соки, бесконечные газированные напитки, минеральную воду с газом, но чаще без. Когда мы заказывали, например, липу или ромашку, то они сочувственно качали головой, уверенные, что мы пьем это не из удовольствия, а потому что у нас проблемы со здоровьем. По части алкоголя испанцы были достаточно всеядны. Постоянный

наплыв туристов не позволял ограничиваться столь любимым в этих краях вином домашнего производства, так что выбор алкогольных напитков был богат и разнообразен.

Порядок цен зависел от места: в центре Мадрида или на окраине; в недорогом уютном кафе или в пафосном ресторане, – один и тот же продукт мог стоить по-разному.

Этим вечером мы решили пойти в ночной клуб, которых в Чуеке было полно. На каждом углу стояли молодые ребята, раздающие рекламу или флаеры. Конкуренция была серьезная – не смотря на предпраздничную многолюдность, владельцы клубов и баров дрались буквально за каждого посетителя.

– Привет, возьмите флаер. Очень хорошая скидка. Вход до двух часов ночи бесплатный и включен напиток.

Мы схватили по флаеру, уточнили адрес и, довольные, понеслись дальше.

– Ничего себе! Бесплатный напиток.

– И вход бесплатный до двух ночи!

– А мы в это время обычно уже уходим из клуба.

Но и тут нас ожидала очередная неожиданность. Привыкшие приходить на дискотеки часам к одиннадцати и, отплясав два-три часа, отправляться на такси домой, мы рассчитывали и здесь увидеть ту же картину. Потому и удивились, получив флаеры на бесплатный вход, да ещё и с напитком.

Клуб открывался в полночь. Мы были первыми посетителями в пустом зале. Мальчик, вручивший нам билеты, приветственно помахал рукой с противоположного конца бесконечно длинной барной стойки.

– Закажем что-нибудь?

– Давай. А что?

– Не знаю, может, какой-то коктейль?

– Малибу с апельсиновым соком?

– Отлично.

Народу не было, но музыка уже шумела вовсю. Докричавшись до бармена, мы заказали напитки.

– Что-то народу нет совсем. У нас обычно к открытию уже собирается хоть какая-то очередь.

– Да, а потом и вовсе ко входу не проберешься.

Мы обернулись к стойке и, как по команде, замерли с открытыми ртами. Длинный, как трубка, стакан с коктейлем был доверху наполнен гигантскими кубиками льда.

– Берем?

– А что делать, не вылавливать же его.

– Может, попросим сделать безо льда?

– Ой, я не знаю. А вдруг заставит платить дважды.

Мы пили ледяной коктейль, где воды было больше, чем ликера и сока.

– Это вообще нормально?

– Может, они так экономят? Знаешь, как у нас, например, обвешивают, или наливают меньше.

Позже мы узнали, что это нормально, что никто не пытался нас обмануть, и холодные напитки пьются здесь весь год. И недоумение наше по этому поводу сродни их непониманию того, как мы можем пить чай в любое время года, в любое время дня и ночи. Страна, где мерзнут зимой, греется и летом. Там же, где летом невыносимая жара, и зимой готовы есть лед кусками. Что они с успехом и делали, ведрами употребляя мохито или гранисадо – измельченный в крупу лед с фруктовыми наполнителями. Тогда мы этого ещё не знали, и сам факт, что на дворе декабрь, заставлял нас дрожать от холода, ощущая в руке ледяные стаканы.

– Да, нам тут ко многому придется привыкать.

- Это как родиться заново.
- Только сразу взрослым, с уже сложившимися гастрономическими привычками и предпочтениями.
- Мы справимся, у нас ко всему иммунитет. Помнишь?

Чтобы узнать любого иностранца как можно лучше, нужно, во-первых, выучить его язык, во-вторых, подробно ознакомиться с тонкостями его питания. Может, это и не единственные компоненты познания чужой культуры, но уж точно немаловажные.

Да, наверное, у всех людей различные пути познания, но цель-то должна быть одна. Ну, или очень похожая. Хочется гармонии, красоты, совершенства. Некоторые путают эти понятия с покоем, стабильностью и благополучием. Мы же искали их в новом, неизведанном, непредсказуемом.

Кто-то узнает, ранее полюбив, а кто-то влюбляется, лишь познав. Счастливы, уверовавшие изначально, как дети, без теорем и доказательств. Я же была из второй категории: вера в моей душе могла родиться только через знание, через понимание общих и частных закономерностей.

Испания у меня всегда ассоциировалась лишь с несколькими стереотипическими понятиями, названиями и личностями. Где-то далеко, как-то мифически туманно, хоть и невероятно солнечно, с поволокой средиземноморского эротизма. Что-то музыкальное, ритмичное, страстное, изредка кровавое. Одним словом, далекое, неизвестное, малодоступное, а потому желанное.

Мы провели не более пяти часов в воздухе и перенеслись в столицу другого мира, наверное, похожую на все столицы, но для нас совершенно иную. И действительно, здесь было много непривычного, хоть в целом и не встречалось ничего фантастического.

Нас добродушно баловало солнце. Тело чувствовало, как жизненная активность усиливается почти в полтора раза по сравнению со странами нашей полосы. Трудно с уверенностью утверждать, но, вероятно, это была одна из причин долголетия испанцев. Если верить статистике, то средняя продолжительность жизни в этой обласканной Фаэтоном стране составляла около семидесяти лет у мужчин, и около восьмидесяти пяти у женщин.

Вот, к примеру, сиеста. У кого она вызывала бурное неодобрение, как ни у жадных до развлечений и неумеренного чревоугодия туристов? Самим же испанцам она не мешала поддерживать приличный уровень жизни в своей стране. Да, они несколько часов к ряду попивали обжигающе ледяные напитки, пересиживая летнюю жару. Они уважали сам процесс, совершаемый неспешно, словно через вкусовой язык питания происходило прикосновение к каким-то высшим истинам. При всём при этом, практически все испанцы поднимались до рассвета и отправлялись спать тоже почти на рассвете. И откуда только силы у них брались? Ранним утром начинался трудовой день, приблизительно с двух до пяти – перерыв, затем – новый подход к работе, а ближе к полуночи – та самая Ла Мовида, тусовка, движуха (да простят мне читатели такой жаргонный термин), затягивающаяся порой на всю ночь. Движение, которое нас покорило, «вечный двигатель», вживленный от рождения в душу каждого местного жителя, имело свойство уменьшать количество депрессий и не позволяло испанцам заниматься психологическим «самокопанием».

– Непривычный жизненный ритм. А не много ли они отдыхают? – задавалась я вопросом, как придиричивая северянка. И сразу же отвечала себе, – Да, у них немало свободного времени. Но ведь русская пословица гласит: кто как ест, тот так и работает. А ещё говорят: если хочешь узнать, умеет ли человек работать, посмотри, умеет ли он отдыхать. Это одно из отличий жите-

лей субтропиков – они знатоки по части насыщенного досуга, не всегда ограниченного лишь бутылкой пива и пачкой чипсов перед экраном телевизора.

Общение – вот что было цементирующей основой их отдыха. Потому и стояние в очередях казалось им удобным поводом для беседы. Всё остальное – бесполезная трата времени. Поздно вечером и почти всю ночь, и в будни, и в конце недели улицы были переполнены общающимися людьми. Друзья шумно обсуждали события прошедших дней. Совершенно незнакомые люди, совсем немного подогретые алкоголем, заслышав неподалеку веселую музыку, начинали подпевать, подтанцовывать, а потом, глядишь, и вся площадь уже колыхалась в едином, никем не навязанном, но органически родившемся ритме. И каждый, горожанин или турист, европеец или азиат, переполнялся единым чувством. Смешавшись с запахом печеной тут же на углях кукурузы, жареных каштанов, сигарным дымом и ароматом цветов, это единение возвышалось над толпой, едва касалось верхушек деревьев и католических храмов, священным оберегом окутывало город.

Невозможно было пройти и метра по улице, чтобы не увидеть в окне квартиры, магазинчика или в укромном уголке двора изображение библейского сюжета рождения младенца Иисуса в Вифлееме. На Пласа Майор, что означало – Большая или Главная площадь, шла традиционная рождественская ярмарка. Здесь можно было купить всё: фигурки Иисуса, Девы Марии, волхвов, даже овец и других домашних животных; множество атрибутов, с помощью которых в любой квартире воссоздавались события двухтысячелетней давности, легшие в основу столь великого и радостного христианского праздника. Фейерверки, маски, разноцветные парики, елки всех размеров, мишура и тысячи прочих мелочей можно было приобрести в этом жужжащем, как улей, месте. Вот только нам пока нечего было украсить – на нашей новой родине своего жилища мы ещё не получили. И никто не знал, удастся ли нам когда-нибудь его иметь.

Глядя из окна хостела, я думала о том, какое количество продуктов необходимо средне-статистической испанской семье, чтобы, ни разу не выходя в магазин в течение двух недель рождественских каникул, умудриться, как минимум, трижды в день накрывать обильный праздничный стол.

Коронным праздничным блюдом являлся, конечно же, хамон. Со временем я поняла, что если человек не в силах полюбить этот продукт, то он никогда не сможет полюбить Испанию. Хамон – предмет гордости испанской кухни, настолько почитаемый, что даже магазины, в которых он продавался, назывались ни много, ни мало – Музей Хамона. Сложной технологии приготовления этого свиного окорока посвящен не один том. Если совсем просто, то хамон – это вяленая ветчина. Этот деликатес стоил недешево, если покупать всю ногу целиком. Испанцы среднего достатка приобретали её вскладчину, затем делили на всех, чтобы каждому на Рождество и другие праздники досталось хотя бы понемногу. Говорили, что Колумб не доплыл бы до Америки, не будь на его судах достаточных запасов вяленой свинины, которая хранится невероятно долго. Одна семья могла лакомиться им целый год, экономно срезая тонкими пластинками. Некоторые знатоки, после того, как всё вяленое мясо срезано, варили на оставшейся косточке бульон необычного вкуса.

– Кстати, о бульонах. Это не от него ли такой запах по всем углам города? Даже через закрытые окна просачивается.

– Смотри, в Интернете пишут: «В праздничное меню обязательно должен быть включен один из традиционных супов. Практически все они изобилуют чесноком...»

– Точно, чеснок переносит запахи ещё больше, как грызун какой-то.

– «Весь этот процесс, как и процесс приготовления супа на основе кости, оставшейся от хамона, сопровождается довольно резким запахом, пронизывающим весь город. Стоит выйти на улицу, как одежда, волосы, кажется, даже и кожа впитывает в себя стойкий мясной и чесночный ароматы».

– Вот когда можно с сожалением вспомнить о нашем гостиничном номере – там был кондиционер.

– Наверное, придется с этим мириться. Не для того мы сюда летели, чтобы прятаться в гостинице от местных запахов. Это же колоритные нюансы, тонкости аборигенской кухни. Пойдем на улицу – будем впитывать Испанию кожей.

А ведь действительно: никакие мандарины, росшие здесь прямо на улицах, никакие салюты, танцы вокруг ёлки и многочисленные фигурки Санта Клаусов, взбиравшихся по крохотным лестницам в дымоходы, не рассказали бы об этой стране столько, сколько мог поведать дух настоящего мадридского чесночного супа и вкус самого ценного сорта вяленого хамона – Пата Негра, что в переводе означало – Черная нога.

В канун Рождества, ожидая апогея народных гуляний, мы одевались особенно тщательно, надеясь принять участие в чем-то грандиозном. Но, выйдя на улицу, были разочарованы. Город словно вымер. Мы не знали испанского, но могли узнавать речь по мелодике и некоторым словам. Так вот, испанцев мы не встретили. Все рестораны и кафе были закрыты. Проще, наверное, в этот вечер было бы увидеть здесь какого-нибудь земляка, жившего в Москве на одной с нами лестничной клетке, с которым не пересекались годами, чем обнаружить испанца на пустынной улице Мадрида. Рождество – праздник семейный. Он собирал ближайших родственников вокруг домашнего очага, освещающего всё происходящее сакральным сиянием.

– Что будем делать? У нас в хостеле даже никакой еды не припасено на всякий случай.

– Почему? У нас есть сухой паёк из столовой для бездомных.

– Да уж, рождественский ужин – что надо.

– Пойдем искать китайские магазинчики – им Рождество не помеха.

Блуждая по центру города в поисках ларька, которые тут чаще всего содержали граждане самой многонаселенной страны мира, мы робко заглядывали в окна, как бедные родственники, не допущенные к таинству, свершающемуся в каждом доме, независимо от его достатка.

Словно подчиняясь одному из непреложных законов природы, ровно через сутки жизнь вновь разлилась по узким мадридским улочкам. И мы, приезжие, с завистью наблюдали, как изменились горожане за одну ночь, какой просветленностью они отличались от самих себя – тех, какими были ещё вчера. И вновь мы забыли о собственной отчужденности, нахлынувшей на нас в опустевшем Мадриде, потому что добродушные хозяева города, выходя из домов, одаривали окружающих своей любовью, словно продолжая рождественское священнодействие.

Конечно, Москва нас разбаловала, мы привыкли к помпезности и масштабности праздников. Поэтому и новогодняя ночь в Мадриде показалась нам недостаточно зрелищной.

– Местные жители начисто лишены страсти к гигантомании.

– Да, ты видишь, какие испанцы малорослые в массе своей? Они среди больших построек совсем потерялись бы.

Разглядывая скромное, но яркое убранство, всматриваясь в разгоряченные лица людей, я думала, что самое ценное в любом празднике – это умение прожить, прочувствовать момент счастья и светлой радости. Мы были вместе, мы держались за руки и знали, что испанцы с нами солидарны. Да, салют был небольшой и не выглядел роскошно, но дело ведь было не в салюте, а, скорее, в его ожидании.

Около одиннадцати часов вечера мы с трудом выбрались на Пласа дель Соль – Площадь Солнца. Лучами от неё в разные стороны расходились несколько крупных улиц, переполненных ждущим Нового года людом. Обитатели близлежащих домов вышли на балконы и бросали нам на головы блестящие и конфетти.

– Смотри, у них тут разрешено шампанское с собой приносить.

– Да, а пластиковые стаканы какие гигантские – туда литр, наверное, войдет.

– А что у них за банки консервные?

– Не знаю, по рисунку на этикетке похоже на крыжовник.

– Может, оливки?

Рядом с нами шумела компания подвыпившей или просто весёлой молодежи. Они раздавали всем вокруг пластиковые стаканы и откупоривали бесконечные бутылки шипучего напитка. Мы пытались отказаться, но это было бесполезно.

– Как-то неловко. Пристроились тут и даром будем пить.

До Нового года оставалось пять минут.

– Ладно, мы же не знали, что можно приносить с собой.

– Берите, берите, вот сейчас налью вам, – громыхал вокруг нас виночерпий, – А где ваш виноград?

– А, это был виноград...

– Эй, ребята, дайте-ка коробку! У наших гостей тут винограда нет. Как же так? Без этого нельзя, без этого и Новый год – не Новый год.

– Ты понимаешь, что он говорит?

– Очень смутно, но отказываться уже неудобно.

– Слушайте, когда начнут бить часы на башне. Видите, – показал он наверх, – Там часы. Понятно? Тик-так-тик-так. Да? Вот когда начнется отсчет, нужно на каждый удар съесть по виноградине и загадывать желание. Двенадцать, ясно? Двенадцать ударов. Здесь в каждой банке двенадцать штук.

– Эй, Хорхе, иди сюда, сейчас начнется.

– Ну, я пошел. Вы поняли хоть? Ладно, смотрите, – он показал пальцами на глаза, – Смотрите на меня, и все будет ОК.

И всё началось, и начался отсчет, и мы глотали виноградины одну за другой, захлебываясь счастьем и умилением от этого маленького доброго поступка в наш адрес, который должен был бы стать нормой человеческих отношений.

– Ты заметила, что виноград без косточек?

– А банки, эти банки. Они ведь специально их производят – к Новому году. Ну, молодцы!

Да, в эту ночь непривычная глазу внешняя скромность потонула в море простых человеческих эмоций. Не шикарностью салюта и не высотой, на которую взлетали фейерверки, изменились отношения между человеком и человеком, между государством и его народом. В тот момент нам казалось, что божественная гармония присутствовала во всем: даже в странном для нас соотношении крохотной мадридской площади с необозримым пространством души испанца, стремящегося жить по простой и понятной заповеди: возлюби ближнего своего, как самого себя.

Мы здесь не дома – мы были в гостях. Мы были пришельцами, но не разрушителями, а влюбчивыми путешественницами, пытающимися не только смотреть, но и видеть. Мы тогда ещё и тысячной доли информации не получили об этом иберийском крае, но всё, что нам удалось узнать, мы пропускали, как электрический разряд, сквозь наши сердца. И это давало нам право, навсегда оставаясь русскими, на секунду почувствовать себя испанцами.

Отказавшись от адвоката во время собеседования, мы всё-таки не были до конца уверены, что он не понадобится нам и позже, когда дело дойдет до второй встречи со служащими организации по приему беженцев. В CEARE, то есть в ИКПБ, нам посоветовали обратиться к частному специалисту, который занимался сложными делами беженцев и первую консультацию давал бесплатно.

Мы пришли без звонка. Адвокат был занят или отсутствовал. С нами общался его ассистент.

– Честно говоря, мы не знаем, нужен ли нам адвокат. Какую роль он будет играть на главном собеседовании? Он будет принимать участие в разговоре? Вдруг это помешает ходу дела, собьет нас с мысли? Ведь вряд ли это будет русскоговорящий адвокат. То есть, это будет тройной перевод, а значит, возможны неточности, что в таком деле, как я понимаю, крайне опасно. Показания должны максимально совпадать, хоть и даются с двух разных точек зрения. Факты, последовательность, даты – тут осечек быть не может.

– Вы всё очень верно понимаете. Не думаю, что сейчас адвокат вам так уж необходим. Главное – достоверность и логичность изложения событий. И самое важное, чтобы в ней действительно был факт преследования, который подходит к статьям Женевской конвенции. Вы слышали что-нибудь об этом?

– Да, читали немного в Интернете.

– Почитайте ещё, это вам поможет. Если вам откажут на каком-то этапе – приходите.

– Мы ещё не знаем, в какой город нас отправят.

– Не забывайте, что в каждом центре, где живут беженцы, обязательно в штате есть адвокаты, и услуги его бесплатны. Это его работа. Там вы сможете консультироваться.

– Скажите, вот ещё такой чисто информационный вопрос: что лучше: статус беженца или резиденция на гуманитарных основаниях? В чем, собственно, разница? Мы понимаем, что пока об этом вообще говорить рано и что от нас это не зависит, но всё же, если бы вот вам сказали: выбирайте одно или другое, что бы вы, например, выбрали?

– Статус беженца – это карточка резиденции, которая выдается сразу на пять лет. Когда срок её кончается, вы имеете право сразу же подавать документы на получение испанского гражданства. То есть – это идеальный вариант решения вопроса. Но ждать её приходится до двух лет и получают её крайне редко.

– Как до двух лет? В буклете написано – шесть месяцев.

– Да, официальные сроки таковы, но на самом деле процедура часто затягивается. Сейчас ужесточили правила, большой отсев. Кроме того, вы, наверное, уже заметили, что здесь всё происходит медленно, никто никуда не спешит. В том числе и чиновники. Так что нужно набраться сил, пройти через все процедуры и ждать, расслабившись. Долго, долго ничего не делается, а потом вдруг оказывается, что у вас на руках все нужные документы. Но учтите, ситуация должна быть действительно серьезной, чтобы вам дали такой статус. А что у вас случилось? Почему вы запросили убежища?

– Знаете, мы стараемся об этом не говорить.

Продолжая смотреть на юного ассистента, я взяла тебя за руку.

– Да, конечно, я понимаю. Но вам нечего стесняться. Быть беженцем не стыдно. И, скажу вам по секрету, иногда это очень помогает. Испанцы весьма в этом смысле душевные люди. То, что вы запросили убежища на их родине, лишний раз утешит их патриотические чувства. Они любят свою страну.

– Спасибо. А что на счет резиденции на гуманитарных основаниях?

– Это карточка резидента, дающая право на пребывание в стране сроком на один год. Дальше её нужно продлять, как любому иммигранту. Если есть контракт на работу, то продлить её не сложно. А гражданство можно получить только через десять лет – на общих основаниях. Но это тоже очень удачное решение, и гуманитарку получают далеко не многие.

– Ясно. Вы нам очень помогли. Спасибо и простите, что отняли время.

– Да что вы! Мне даже интересно. Нечасто встретишь беженцев из России. Когда-нибудь, когда всё у вас утрясется и вам легче будет говорить о прошлом, я надеюсь услышать вашу историю. Да, когда узнаете, в какой город вас определили, позвоните мне – я дам вам адреса и контакты полезных людей. Удачи вам!

Наконец, в начале января мы получили результаты анализов, не выявивших никаких особых отклонений, кроме немного пониженного гемоглобина, что в этом благодатном климате и при наличии сбалансированного питания восстановить было несложно.

В СЕАРе сняли копии со всех медицинских документов и велели ждать. Минут через двадцать к нам вышла высокая мулатка и заговорила по-русски с сильным акцентом непонятного происхождения.

– Здравствуйте, я ваш официальный письменный переводчик. Все показания, которые вы дали в Центральном Офисе в устной форме, вы должны описать на бумаге или набрать на компьютере и прислать мне на мой электронный адрес. Я переведу текст и отправлю адвокату в центр, где вы будете жить. Он будет задавать вам дополнительные вопросы, собирать данные и пересылать их в Мадрид, если возникнет такая необходимость.

– Вы не могли бы прислать на нашу личную электронную почту копию перевода?

– Перевод должен быть распечатан и заверен, поэтому его вышлют обычной почтой на адрес центра. Оригинал никто не может у вас забрать, так что адвокат для работы сделает себе копию. Оригинал будет храниться у вас.

– Хорошо, мы поняли. Спасибо.

– Сейчас подойдет мой коллега и займется поисками мест проживания.

Мулатка удалилась.

Нам нашли места в малагском центре приема беженцев, дали денег на билет и сопроводительную записку, которую мы показали в кассе, чтобы не ошибиться с маршрутом.

Январь-ноябрь 2007, Малага

Пятого января около шести часов вечера мы прибыли в Малагу, где нам, возможно, предстояло провести ближайшие полгода. Из Мадрида ехали на комфортабельном новом автобусе. Было такое ощущение, что почти на самолете летели – не качало и не подбрасывало на кочках. Оказалось, что здесь в автобусах часто выдавали бесплатную минеральную воду – это входило в стоимость билета. Ещё в самом салоне автобуса был туалет, как в самолете, который работал во время движения. Ехали мы около семи часов с одной остановкой. Кресла были удобные, поэтому ничего мы себе не отсидели. Впереди, над головой водителя висел телевизор, а в ручки каждого кресла было вмонтировано устройство для наушников с регулятором громкости. Там было два канала радио и один канал, подключенный к телевизору. Шел фильм на испанском языке, поэтому мы слушали музыку по радио.

От автовокзала взяли такси. Центр приема беженцев был похож на недорогой прибрежный отель со всеми удобствами или на престижное студенческое общежитие. По двору дети разного возраста гоняли мяч. Возле одной из дверей на деревянной лавке сидел похожий на индейца мужчина с крупным носом во всё лицо и с длинными черными волосами, собранными в хвост.

Прямо напротив входа во двор общежития располагалась дирекция, откуда нам на встречу вышел служащий в очках со стеклами в тонкой оправе. Звали его Альфредо. Он сдержанно приветствовал нас, пожал нам руки и провел внутрь. Выдал ключи от комнаты и постельное белье.

– Простите, а документы? Кому мы должны их отдать?

– В понедельник всем этим займутся. Сегодня четверг – конец недели скоро. Так что располагайтесь, отдыхайте.

Мы вышли во двор.

– Понятно? Четверг – конец недели. Ну, дают испанцы.

– Да, я чуть не рассмеялась. Кажется, он это заметил.

– Это же здорово! До понедельника мы можем исследовать город.

Весть о новичках разнеслась быстро. Изю всех окон за нами следили обитатели Центра. Дети шептались в стороне, поглядывая с опаской и любопытством.

– Глазеют.

– Не обращай внимания. Улыбаемся и киваем головой.

Напряжения и неловкости не было, не чувствовалось никакой агрессии – только интерес. Несколько человек махнули нам рукой в ответ на наши приветственные улыбки.

Двухэтажный центр-общежитие навскидку состоял где-то из двадцати-двадцати пяти комнат разного размера. Все двери и окна выходили во внутренний дворик, посреди которого росли небольшое апельсиновое дерево, усыпанное плодами, и высоченная пальма. Если сидеть у её основания, то казалось, что она чешет своими широкими листьями ослепительной синевы малагское небо.

– Хорошо, что наша комната на первом этаже, а то пришлось бы чемоданы наверх тащить.

– Вон в том, дальнем углу двора есть лестница со специальным подъемом. Здесь всё предусмотрено. Ты видела инвалида на коляске?

– Ага.

– Вот как бы он туда забирался? Но всё равно хорошо, что на первом. Прачечная рядом. Там четыре стиральные машинки. И столовая прямо напротив нас. Всё под рукой.

– А дирекция далековато.

– Это тоже к лучшему. Всегда хорошо быть подальше от дирекции.

Комната выглядела очень прилично, действительно ничуть не хуже номера в первой нашей мадридской гостинице. Ванная комната с душем и туалетом. Две симпатичные кровати, шкаф, две тумбочки, стол, два стула, масляный радиатор, работающий от сети, наличие которого нас несказанно порадовало после замерзаний в мадридском хостеле. Стены были выкрашены в приятный бледно-голубой цвет, над кроватью и над столом висели большие фотографии в рамках с незнакомым горным пейзажем.

– Смотри, на шкафу вентилятор стоит.

– Думаю, летом он нам будет весьма кстати. Говорят, здесь выше сорока градусов жары бывает и в августе несколько дней дует какой-то особый ветер из Африки, так что люди вовсе стараются днём носа на улицу не высовывать.

Но до жары было ещё далеко. Термометр, прикрепленный к столбу во дворе, показывал двадцать один градус. Январское солнце припекало, казалось, что можно открывать пляжный сезон.

– Тебе не кажется, что ветром приносит морской запах?

– Не знаю, но здесь точно пахнет иначе.

Нам сказали, что до берега не более пятнадцати минут ходьбы. И мы, не сговариваясь, рванули туда. Без карты города, без советов прохожих – шли на запах. И с каждым шагом чувствовали – скоро море, скоро море!

– Это мой климат, – сказала я, задыхаясь от быстрого шага и нахлынувшего восторга, – И для здоровья, и для души.

– Средиземное! Смотри, смотри, видишь? Вон там, за домами.

– Да, да, вижу! Оно как-то голубее, нет таких малахитовых оттенков, как у Черного.

За три дня мы познакомились почти со всеми, кто жил в Центре. Больше всего было африканцев, второе место по численности занимали жители Латинской Америки, за ними примерно в одинаково малом количестве шли те, кто прибыл из Азии или Восточной Европы. Одна из африканок была беременна, а также было четыре большие семьи с детьми и младенцами.

В основном народ оказался доброжелательным, общительным, но было очень шумно.

Для многих испанский был родным языком, кто-то его уже успел освоить. Некоторые говорили по-английски или по-французски. Русскоговорящих, кроме нас, было трое: Маша – одинокая женщина из Вологды, Артур – откуда-то с российского Кавказа и Лиля из Армении. Необъятная густобровая Лиля приехала с сыном лет десяти, который уже свободно болтал по-испански. Дома у неё остался муж со старшим сыном, а здесь она, слабая женщина, нашла себе поддержку в лице высокого, крепкого с суровым лицом сенегальца. Они жили в соседних комнатах, но скоро их должны были поселить вместе.

Артур жил здесь дольше других. До этого объехал почти всю Европу. В каждой стране запрашивал убежища. Нигде не получил.

– Такова уж система: если после первого запроса отказали, то больше нигде не дадут, даже иногда дело на рассмотрение не принимают, если у них есть сведения, что ты бежишь по Евросоюзу и на каждой станции подаешь заявление.

Артур уже свободно говорил по-испански. Иногда его даже приглашали в качестве переводчика на собеседования или при депортации. Он был первым русским, кто дал нам наиболее дельные советы по выживанию.

– Я когда приехал, мне тоже один русский сказал: учи, Артурчик, язык каждую секунду своего здесь пребывания. Ну, я и набросился. Утром курсы в одной школе, вечером – в другой. Сейчас работаю, но это дело тоже не бросаю. Произношения, конечно, чисто испанского добиться сложно – тут особый слух нужен и особый речевой аппарат. Но и это при желании

осуществимо. И вообще, тут не раз услышите жалобы, что кого-то, мол, унижают. А я так считаю, что человек, если он унижаться не хочет, его не унизишь, в какую бы страну он ни попал. И от знания языка, надо сказать, очень многое зависит.

В понедельник мы встали ни свет, ни заря, и правильно сделали. В семь утра Центр уже жужжал, как улей. У двери в дирекцию выстроилась огромная очередь. Альфредо выдавал клочки бумаги с написанным от руки номером и временем приема. Получив свой талончик, все снова расходились по комнатам. Очередь двигалась довольно быстро. Мы не стали рисковать и сели на лавку под апельсиновым деревом.

- Как ты думаешь, почему никто не рвет апельсины?
- Может, это запрещено. Может, они для красоты.
- Надо будет попробовать как-нибудь сорвать.
- Смотри, осторожно, скажут, что мы их общественные сады обворовываем.

На прием мы попали уже после завтрака. Питание, надо сказать, пока оставляло желать лучшего. Но одно преимущество всё же успокаивало – кормили нас бесплатно.

В половине одиннадцатого мы зашли в дирекцию, состоявшую из трех комнат: кабинет директора и двух приемных с отдельным выходом во двор. В приемных было по два стола, и везде шла работа. Каждый сотрудник выполнял определенную функцию. Один отвечал за документацию, другой за административные вопросы, третий за финансовое обеспечение, четвертый – за обучение и трудоустройство. Надо было пройти через руки каждого из них. Сначала занялись формализацией нашего здесь пребывания. Заполнили пару очередных анкет, сняли копии всех документов.

У испанцев очень популярно добровольческое движение во всех сферах. Особенно, когда дело касается иммигрантов и беженцев. Наш центр не был исключением. Подавать документы в паспортный стол полицейского участка, становиться на учет в поликлинику и получать прописку по месту жительства мы ездили с добровольцами.

С этого же дня начались вечерние классы испанского. Их тоже проводили учителя-волонтеры, поэтому каждый из пяти рабочих дней недели приходил новый преподаватель.

Нас записали в первую группу. Всего их было три: начальный, средний и... чуть выше среднего. На большее рассчитывать не приходилось, так как занятия были предназначены только для того, чтобы научить нас немного ориентироваться на местности. Если у кого-то появлялось желание совершенствовать языковые навыки, нужно было заниматься этим самостоятельно, искать более профессиональные курсы.

После занятия мы вернулись в комнату. На столе я увидела апельсин.

– Он на земле лежал. – услышала я твой извиняющийся голос, – Нормальный, не гнилой. Всё равно в этой суете никто не заметил, что его там больше нет.

– Может, они дикие, кислые. Дай-ка я попробую.

Но было поздно: долька краденого апельсина уже была у тебя во рту.

– Фу, кислятина. Он мне ещё и в глаз брызнул.

– Промывай водой скорее.

– Блин, щиплет!

– Ничего, не смертельно, – посмеивалась я, – Наверное, это дичка, как у нас дикий абрикос или какое-нибудь дикое кислое яблоко. Потому их никто и не рвал.

– У нас дикий абрикос язык не щиплет и в глаза кислотой не плюется.

– Ещё наедемся мы здесь волшебных фруктов.

На ужин, после основных блюд, нам дали по йогурту и по невероятной сладости апельсину.

– Вот видишь – ждать пришлось не так уж и долго.

Мы сели во дворе, очистили их и с удовольствием стали есть, захлебываясь соком. Нашу трапезу прервал симпатичный смуглый паренёк:

– Привет, как дела?

– Привет, нормально.

– Меня зовут Даниэль, я из Эквадора. Вы русские?

– Да, из Москвы. Ты здесь давно?

– Два месяца. Как вам Малага?

– Нравится! Тепло очень.

– Да, в России у вас там всё время мороз.

Тогда мы ещё довольно доброжелательно относились к таким заявлениям и не ленились объяснять, что Россия большая, что есть зоны с довольно мягким климатом, и что там тоже проходят все четыре времена года, холодно зимой, а летом всё-таки жарко. Но так уж формируются человеческое стереотипное мышление, когда не знаешь подробностей и ориентируешься только на услышанную то там, то сям общую информацию. Абсолютно каждый новый знакомый, с кем нам приходилось встречаться впоследствии, задавал одни и те же вопросы и удивлялся одним и тем же вещам. Узнав, что в Мадриде мы замерзли, он округлил глаза:

– Вы мерзнете? Вы же русские! Для вас наша зима – это лето, наверное.

Ещё мы познакомилась с парой из Колумбии. Сара и Томас. Позже оказалось, что они просто договорились уехать вместе со своего континента, а здесь запросить убежища, как супруги. Не знаю, был ли в этом какой-то смысл. Возможно, это зависело от истории, которая с ними произошла на родине, но обсуждать эти подробности среди беженцев было не принято. Каждый хранил свой рассказ для чиновников и не особо стремился открывать всем вокруг свою боль.

Ничего не скрывала только Маша. Она вообще была очень странная, и многие этим пользовались. Мало кто пытался помочь.

– Я сначала в Бельгию махнула, хотя виза у меня была испанская – её проще было получить. Но Бельгия богаче, там условия очень даже ничего. Пришла на собеседование и говорю, мол, так и так, в России разруха, есть нечего, работы нет. Дайте убежище. А они даже слушать меня не стали, отправили в Испанию. Ну, а я не расстроилась. Здесь мужчины красивые, может, найду себе жениха. Только на этот раз я уже была поумнее. Говорю офицеру на допросе: «Сеньор, помогите, меня муж бил, я от него сбежала, а он меня преследует, грозитя прикончить, как встретит». Заплакала, конечно. Он меня водой отпаивал. Дело приняли, но через полгода всё равно отказ пришел. Мой адвокат подал апелляцию. Посмотрим, что дальше будет. Разрешения на работу не дали, но я без контракта уборку делаю в квартирах у испанцев. Так что прорвемся!

Не стали мы её разочаровывать, хотя понимали, что её случай никоим образом не подходит ни под одну статью Женевской конвенции о беженцах. Тут уж дело было в терпении, а этого у неё было не занимать.

– Маша, вы знаете, что в испанском надо обязательно проговаривать все гласные так, как они пишутся?

– Да, знаю, конечно.

– Есть такие слова, где менять О на А или наоборот нельзя, потому что получается другое слово и не всегда очень приличное.

– Ну, что вы мне рассказываете? Я знаю.

– Вот Вы, Маша, говорите в столовой, когда нам курицу готовят: дайте мне куриную ножку. Как вы это произносите? Как вы говорите – pollo?

– Пойя.

– Ну, вот, пожалуйста, опять.

– Что?

– Надо говорить пойо – четко произносить О в конце, как если бы вы говорили «молоко», а не «малако».

– Я так и говорю! Пойя, пойя!

Учителя, работники дирекции и даже повара по доброте душевной пытались ей несколько раз объяснить, что нельзя редуцировать гласные, иначе можно попасть в неловкую ситуацию, путая слова pollo⁵ и polla⁶, sajonos⁷ и sojonos⁸ и так далее, но толку от этого не было – Маша настойчиво произносила испанские слова по русским правилам.

– Ну, что с ней делать? – сказал про себя каждый и махнул рукой.

Оставалось только с сожалением качать головой и тихо посмеиваться у неё за спиной.

– Не светит ей статус.

– Конечно, нет. Но если выдержит, будет настойчиво подавать апелляцию после каждого отказа. До трех раз, кажется, можно. Там, глядишь, и оформит себе резиденцию на общих основаниях. А ещё в этом году выборы. Говорят, нелегалов будут амнистировать. А может, правда замуж выйдет. Тогда вопрос будет решен.

Ещё Маша рассказывала, что чаще ей здесь помогали ни слова по-русски не понимающие испанцы, нежели соотечественники.

– Что вы, наоборот! Русские даже мешали, боясь конкуренции, видимо. Вот вам и земляки. Дорвались до Европы, до более или менее нормальной жизни, осели, обжились и если новенькие тоже хотят попытаться здесь счастья, то им уже завидуют – вдруг они добьются большего, вдруг отнимут у меня мои блага. Завидуют не тому, что у тебя есть, а тому, что вдруг может появиться. Одна и та же психология: «понаехали».

Через неделю прибыла семья из Калмыкии. Муж, жена и две дочери. Они совершили ту же ошибку, что и Маша: поехали в Бельгию с испанскими визами. Мы не знали, что их ждет, так как, опять же, понятия не имели, по какому поводу они просили убежища. Может, по религиозным вопросам. На самом деле, это не имело большого значения. Важно, что все мы выбрались, а, значит, у каждого был шанс на лучшую жизнь.

В середине января мы отмечали первый мой День рождения на чужбине. Устроили символическое чаепитие в столовой. Купили десяток пирожных в кондитерской за углом, натаскали с обедов и ужинов пакетики чая, попросили у поваров кипятку и устроили большую «пьянку».

У нас уже сформировалась своя компания. Даниэль, Сара с Томасом и ещё один новый друг из Нигерии – Джонни. Где бы он ни появлялся, первое, что видели окружающие, была его улыбка – искренняя, обаятельная и, безусловно, белоснежная. Этот темнокожий юноша был местным активистом, душой любой компании, помогал каждому, кто об этом просил. Его все любили – беженцы, сотрудники, дети, взрослые, учителя и повара. Не любило его только правительство, присылая отказ за отказом. Если бы там, наверху, знали, какому человеку присылают негативные ответы, они бы обязательно дали ему возможность жить, работать, радовать себя и окружающих.

В соседней с нами комнате жил хромой эфиоп Таонга. У него была невеста-испанка, которая жила в Мадриде. Таонга уже дважды к ней ездил и вскоре они собирались пожениться.

⁵ цыпленок – перевод с испанского (прим. автора)

⁶ мужской половой орган – перевод с испанского (вульг., прим. автора)

⁷ ящики стола/шкафа – перевод с испанского (прим. автора)

⁸ тестикулы – перевод с испанского (вульг., прим. автора)

Это придавало ему уверенности и спокойствия. Он быстро осваивал испанский и строил большие планы.

Здесь жили представители самых разных культур и религий. Особенно это бросалось в глаза в столовой. Для мусульман готовили отдельную еду и сидели они обособленно. С нами они не разговаривали и уныло хмурились, если нам случалось им улыбнуться. Общаться без всяких преград мы с ними могли только на уроках испанского.

По программе Центра беженцам старались предоставить насыщенный досуг. Нас водили в музеи и кинотеатры, устраивали спортивные соревнования у моря, на пляже, отправляли на экскурсии в ближайшие города.

Как-то длинный караван беженцев отправился по узкой центральной улочке ко входу в одну из крупнейших достопримечательностей Малаги – замок Алькасабы, расположенный на высоком холме и соединенный проходом шириной в колесницу с крепостью Гибралфаро. Там мы сделали первые фотографии с нашими новыми друзьями на фоне белоснежных городских построек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.